П.М. Кожин
ИДВ РАН

Разновидности бронзовой ритуальной посуды эпох Шан и Чжоу

Возвращаться через 30 лет к данной теме (см. [8, с. 40–49]) вынуждает то обстоятельство, что в данной тематике по-прежнему не намечается заметного прогресса. Конечно, появилось немало публикаций, посвященных новым находкам котлов и разнообразных комплексов с котлами, много внимания было уделено изучению эпиграфических текстов на котлах (см., например, [12; 13; 16]), открыты новые памятники, связанные с процессом производства бронзовой ритуальной утвари[1], но многие принципиальные вопросы, связанные с этой массовой продукцией[2], по-прежнему не разрешены, а многие, возникающие в связи с появлением новых фактических материалов, даже не поставлены. В частности, никакого серьезного развития не получили темы происхождения китайской культуры бронзовой эпохи, начала обработки меди в Китае, происхождения местных ритуалов и культов, связанных с использованием металлических изделий. Сейчас, когда количество бронзовых изделий, обнаруженных преимущественно при систематических научных раскопках, возросло на порядки по сравнению с данными сводок Чжэнь Дэкуня и Ли Цзи, очевидно, предстоит возвращаться к непосредственному изучению самих новых находок, к анализу условий, в которых они обнаружены, к сопровождающему их инвентарю, к индивидуальным особенностям комплексов, их временнóй и региональной специфике. И вряд ли новые находки могли не отразиться на значимости авторитетных заключений специалистов прошлого, не обладавших той мощной фактологической и вещественной базой, которую создали археологи КНР.

Конечно, одним из основных требующих уточнения, а порою и нового принципиального решения вопросов остается хронология ритуальной посуды, которая строится поныне на схеме, заданной еще исследованиями Го Можо (см. [2; 3])[3], где в общем плане определения возраста опирались на специфику форм сосудов, стилистику орнаментации и отчасти содержание

© Кожин П.М., 2009

эпиграфических текстов. Этот, несомненно, перспективный и рациональный путь исследования (уже в период публикации его следовало дополнить палеографическими наблюдениями и анализом ритуально-административных формул надписей) требовал последовательной комплексной проработки данных по каждому ритуальному изделию и тщательного изучения групп сосудов, входивших в единые функциональные комплексы (как показывают материалы кладов бронзовой посуды из у. Фуфэн, Шэньси, в их состав могли входить изделия значительно различающиеся по времени изготовления; см. [11]). Однако, в исследовании Го Можо наибольшее внимание было уделено самой расшифровке и толкованию надписей, которые были искусственно отделены от вопросов специфики оформления сосудов и их возможного ритуального и социального значения. Во всяком случае, и ныне нельзя быть уверенными в несомненной принадлежности ко времени того или иного правителя-*вана* (тронные или какие-то иные имена их в текстах не указываются) всех, даже датированных годами царствований изделий. Следует хотя бы в самом общем плане поставить вопрос о том, с какого именно правления прекращается практика регулярных инвеститурных пожалований от имени *вана*, а также исчезает упоминание *вана* в надписях на сосудах, жалуемых подданным за особые заслуги, наряду с переходом от прославления предков к пожеланиям благоденствия сыновьям и внукам (см. [9]), возможно, именно эти изменения маркируют переход к Восточному Чжоу, к эпохе Чуньцю. Причем нельзя исключать, что начало обособления удельных владений от чжоуского домена, период, связанный с активными проявлениями политической смуты, мог сопровождаться изготовлением поддельных инвеститурных и наградных ритуальных изделий (это неизбежно должно было сказаться на текстах, в частности, могли быть отклонения от стереотипных формул дарения, почетных наименований и т.п.), что должно было повышать самооценку вновь выдвинувшихся полузаконных сюзеренов (обычно имевших ранг *гунов*, а в эпоху Чжаньго присваивавших себе в основном ранг *ванов*, уравнивающий их по статусу с чжоуским правителем) и, как им могло казаться, их престиж в ряду аналогичных феодальных правителей[4].

Металлическая посуда так или иначе была представлена во всех дворцовых и храмовых ритуальных действиях правящей верхушки всех уровней. «Девять *динов*»[5] символизировали Китайское государство с древности, а их опрокидывание, т.е. прекращение династийных жертвоприношений, означало смену династии вследствие потери ею «небесного мандата на управление» (*тяньмин*). Однако данные о реальном виде этих сосудов отсутствуют. Возможно, они были описаны в шестом, утраченном, разделе «Чжоули». Также возможно, что каждый крупный административный регион обозначался котлом особой формы (косвенно на это, возможно, указывают иероглифические обозначения стран света).

Особо важным остается вопрос о самих функциональных комплексах этой посуды и принципах их формирования. Здесь необходимо оценивать

вероятность достаточно большого разнообразия подходов к формированию таких комплексов в связи с очевидными изменениями ритуалов и обрядов на протяжении более чем тысячелетней шан-чжоуской истории. В связи с этим приходится учитывать: 1) определялся ли набор посуды тем кругом ритуалов, которые с помощью именно этих сосудов осуществлялись; 2) были ли различия в комплексах посуды, скажем, между храмами, посвященными отдельным божествам, стихийным силам, предкам, Небу, Земле, покровителям плодородия и т.д.; 3) был ли какой-то столичный общегосударственный храм, в котором могли быть представлены все синхронные (в пределах актуальных для каждого отдельного исторического этапа обрядов) разновидности ритуальной посуды; 4) распределялась ли посуда в таком храме по отдельным алтарям или одни и те же сосуды употреблялись по мере надобности в разных обрядах; 5) в какие храмы помещали инвеститурные, наградные, мемориальные, содержащие законодательные и владельческие инскрипции сосуды, особенно после того, как их надписи перестали посвящаться исключительно прославлению предков. Практически ни на один из вопросов этого далеко не исчерпывающего списка мы пока не можем получить однозначного ответа (а если брать весь тысячелетний исторический период, то однозначного ответа могло и не быть вовсе).

Аналогичные неопределенности возникают при любой попытке дробной классификации разновидностей форм самих ритуальных сосудов[6]. Если исключить из общей классификационной шкалы достаточно однородную группу треножников из комплексов Эрлитоу (их можно учитывать в качестве прообразов отдельных более поздних форм) и группы тонкостенных позднечжоуских сосудов на низких конусовидных поддонах и с туловом, в профиле напоминающим сплюснутый шар (основная масса их уже приходится на эпоху Чжаньго), а также формы посуды, подобные находкам из мог. 1, Лейгудун, Хунань (могила цзэнского *хоу* И), то в основу классификации можно положить несколько основных принципов: сосуды можно различать по формам их емкостей, по форме дна емкости (углубленное, уплощенное или плоское дно), по наличию различных видов ножек-подставок, по использованию поддонов и, наконец, по оформлению горловины или, в целом, верхней части емкости-тулова. Если максимально сузить количество показателей, на основе которых выделяются отдельные виды сосудов, то можно свести количество этих основных видов не более чем к девяти основным формам (сразу оговариваюсь, что основное внимание уделялось особенностям формы самого тулова, остальные признаки рассматривались как различия второго порядка).

Итак, при вышеуказанном подходе можно выделить следующие наиболее общие разновидности ритуальной посуды:

1) Прямоугольные в плане и профиле, напоминающие ящик, часто очень большие сосуды на четырех ножках, располагавшихся под плоским основанием по краям. Сосуды имели на противолежащих коротких

сторонах массивные ручки – скобы. Сами ножки явно воспроизводили в скульптуре го́ловы крупных животных, видимо быков, уткнувшихся носами в пол. Со временем скульптурная рельефность сглаживалась и оставался лишь геометрический орнамент, который быстро деградировал. До недавнего времени единственными евразийскими аналогиями этой форме сосудов оставались каменные жертвенники значительно более поздней скифско-савроматской эпохи. Теперь глиняные «модельки» жертвенников, близких по форме и украшенных по боковым стенкам головами баранов и извивающимися змеями, обнаружены в могильнике «раннего бронзового века» в Юго-Западной Туркмении (мог. Пархай II [14, с. 84–97, табл. 1, 3, 10, 17, 18, 23, 28, 29, 30, 32, 34, 42, 53, 56]). Естественно, здесь не может идти речь о прямом заимствовании китайских котлов из Западной Азии, но это первое ясное указание на наличие в Средней Азии какой-то протокультуры, породившей как западную, так и восточную ветви развития этих изделий. Наличие белых пятен в археологическом обследовании огромных территориальных пространств сухих степей, пустынь, полупустынь и предгорий Азии подтвердили недавние открытия в Кара-Кумах, в дельте и бассейне р. Мургаб, памятников новой вторичной цивилизации, тесно связанной своими корнями и постоянными контактами с основными синхронными культурами древнего Востока от Сирии до Северной Индии (см. [15]).

2) Четырехугольные сосуды в виде высоких коробок с «двухскатной» крышкой и слабо выраженным поддоном (см., напр., [4, т. 1, рис. 125, 126]).

3) Круглодонные, с полушарным основанием, часто переходящим в цилиндрические стенки, и обычно тремя ножками, различным образом оформленными. Это могут быть треугольные в сечении и заостренные на концах ножки, и круглые прямые, и пластинчатые фигурные (см., напр., [там же, рис. 20, 25, 88, 104, 115]).

4) Сосуды, составленные из трех соединенных воедино емкостей, каждая из которых напоминала голову слона, обращенную хоботом к земле [7, с. 11; 4, т. 1, рис. 56, 66–68, 82, 93]. Над вышеуказанной емкостью могла располагаться горловина или даже котловидная емкость значительного размера.

5) Некрупные сосуды на трех высоких ножках либо котловидной формы с круглым дном либо имеющие в нижней части невысокую плоскодонную емкость с равномерно сужающимися от дна боками, которая, резко сужаясь, переходит в высокую воронку, расширяющуюся к устью. В плане венчиковая часть сосуда (собственно устье) имеет с одной стороны длинный клювовидный, открытый сверху слив, а с противоположной ему стороны верхняя часть воронки имеет треугольное расширение, таким образом, при взгляде сверху устье сосуда смотрится как круг, у которого по линии диаметра с одного боку размещен длинный желобчатый выступ, а с противолежащей ему стороны окружность переходит в глубокий треугольный выступ. При взгляде сбоку противолежащие по

этому диаметру края устья возвышаются над его средней частью. По обе стороны от слива расположены гвоздевидные вертикальные выступы, завершающиеся широкими круглыми шляпками, – это «художественно оформленные» обрубки литников. Сбоку на сосудах вертикально располагается скобчатая ручка. Эта форма сосудов часто снабжалась крышкой в виде скульптуры полуфантастического хищника [15, с. 10][7]. Именно эта форма продолжает, можно даже выразиться определеннее, является типологическим развитием бронзовых сосудов, выявленных в Эрлитоу [4, т. 1, рис. 12, 46, 49, 54, 85, 117, 121 и др.].

6) Высокие трубчатые сосуды. Верхняя часть трубки является емкостью, а нижняя – поддоном, в котором всегда имеются крестообразные отверстия, оставленные распорками, удерживавшими сердечник литейной формы в правильном по отношению к ее внешней «мантии» положении, т.е. таким образом, чтобы между сердечником и «мантией» оставался равномерный зазор, который беспрепятственно заполнялся расплавленным металлом. Эти сосуды имеют две легко различимые разновидности: широкую и относительно низкую и узкую. Первоначально я считал, что обе они воспроизводят соседние коленца бамбука, а дно сосуда подобно внутренней горизонтальной перегородке между коленцами. Эта версия вполне закономерна, но в оформлении узких трубчатых форм угадывается какая-то связь с формой слоновьего хобота. Характерно, что верхние части этих сосудов снабжены графическим орнаментом в виде высоких узких треугольников с выпуклыми боковыми сторонами. При просмотре больших серий изделий становится ясно, что они схематично воспроизводят слоновьи головы, на которых с боков, опять же очень схематично, переданы слегка выступающие за линию треугольников бивни. На поздних экземплярах треугольники обретают прямолинейные очертания, а «клыки» в боковых сторонах исчезают. Вопрос о частом появлении скульптурных изображений слонов (причем, часто, весьма реалистичных) в оформлении многих видов ритуальной утвари может оказаться столь же значимым для выяснения происхождения «бронзовой культуры древнего Китая» (так называлась одна из монографий епископа Уайта – см. [17]), как распространение раковин каури, обработки слоновой кости и инкрустации бирюзой врезанных линейных орнаментов. Небольшое расширение в средней части сосудов, под которым обычно начинается поддон, сближает форму их емкости (исключая устьевую часть, представляющую собою раструб, круглый в плане) с профилями емкостей предыдущей, пятой, формы [4, т. 1, рис. 69, 71, 95, 118].

7) Кувшинообразные высокие сосуды, либо плоскодонные, либо на поддоне, чаще всего снабженные барельефным, либо графическим изображением «масок *таоте*». Некоторые из них имеют квадратное сечение в плане и сложную конструкцию верхней части и крышки [там же, рис. 331 и др.].

8) Горшковидные сосуды с невысокой расширяющейся к устью шейкой и туловом в виде приплюснутого шара могут иметь либо три

ножки, либо круглый невысокий поддон, либо поддон в виде квадратного ящичка [4, т. 4, рис. 34, 55, 112 и др.]. Эта форма ближе всего соответствует центральноазиатским и сибирским сосудам, происходящим из комплексов культур так называемого «карасукского круга», в которых встречаются также ножи, кинжалы, «модели ярм», сопоставимые и часто сопоставляемые с иньскими и чжоускими изделиями [5, с. 119, 120; 10, с. 250, 251]. К этому же виду могут быть отнесены горшки с шарообразным туловом и невысокой шейкой, снабженные плотно закрывающей устье крышкой, с прямым высоким краем, охватывающим устье сосуда и округлым сводчатым верхом, в середине которого располагается на невысоком штыре пуговицеобразная или катушкообразная ручка. У этих сосудов имеются два противолежащих маленьких скобчатых ушка, через которые продета толстая изогнутая ручка из скрученной проволоки [4, т. 1, рис. 249].

9) Плоские широкие круглые или овальные блюда на поддоне [там же, рис. 24 и др.].

Возможны, конечно, и более дробные деления, прежде всего выявление дополнительных разновидностей в вышеуказанных видах, фиксация уникальных образцов, которые в дальнейшем, при пополнении коллекций новыми полевыми материалами, смогут образовать новые серии, но выделение которых ныне представляется мне преждевременным. Полагаю, что предложенная достаточно обобщенная разбивка ритуальных шанских и чжоуских ритуальных сосудов на виды и разновидности поможет сформировать серии, в которых выявятся типологические ряды, являющиеся прямыми индикаторами развития производственной и технологической культуры населения Северного Китая в эпоху бронзы[8].

Примечания

[1] В том числе крупная бронзолитейная мастерская к юго-востоку от д. Сяоминьтун, Аньян. Благодарю М.Е. Кузнецову-Фетисову за предоставление данных об этом памятнике [1].

[2] Сам по себе рост числа находок указывает на распространенность этой продукции в древности. Существуют определенные корреляционные соотношения между произведенной и бывшей в употреблении продукцией и численностью случайных и археологических находок, но они определяются особо для отдельных археологических культур, территорий и временны́х периодов, с учетом демографических и хозяйственных факторов последующих за изучаемым периодом эпох, а также интенсивности современных научных полевых исследований. Ряд факторов, имеющих отношение к показателям массовости этих изделий, могут быть уточнены при анализе социального строя в данной территориальной популяции и функций этой продукции в административно-бюрократической и ритуальной практике правящей верхушки тогдашнего общества (см. [10, с. 23, 236]).

[3] Следует, конечно, отметить, что ко времени публикаций работ Го Можо количество находок комплексов бронзовых изделий, связанных с одновременным их захоронением, было еще сравнительно небольшим.

[4] Я не использую здесь термин «феодализм» в расширительном значении показателя какой-то особой государственно-политической и социально-экономической «формации», а сохраняю за ним изначальный смысл, подразумевающий создание относительно устойчивой в пространстве и во времени системы владений (уделов, феодов), находящихся хотя бы под номинальной юрисдикцией верховного сюзерена при условии, что все владетели феодов имели общепризнанные в пределах данного территориально-политического единства ранги, указывающие их статус среди других владетелей, по отношению к которым они обладали соответствующими вассальными обязательствами или сюзеренными правами. Уже Ван Тао, китайский консультант Дж. Легга, стал проводить прямое сравнение между этой системой политических отношений средневековой Европы и Китаем периода Восточной Чжоу, делая вывод об историческом превосходстве политического строя своей страны, которая преодолела феодальную раздробленность более чем за два века до н.э. Вряд ли здесь уместно обращаться к последующим «марксистским» дискуссиям о незыблемом порядке смены «социально-экономических формаций».

[5] В дальнейшем при описании металлических сосудов я не использую иероглифическую терминологию. Это объясняется тем, что, в частности, термин *дин*, переводимый как «треножник, треножный котел», включает и сосуды на четырех ножках, и имеющие различную форму тулова-емкости. Какими могут быть изменения обозначений в отношении других достаточно многочисленных видов сосудов – это вопрос, который должен стать предметом специального исследования.

[6] О классификации орнаментальных схем и их фракций, пока не выполнена рациональная обработка форм, просто преждевременно говорить.

[7] Здесь показана линия типологического развития, которая привела к появлению у драконов «бутылевидных» рогов.

[8] Именно благодаря наличию обширного китайского материала выявляется методическая неправомерность деления бронзового века на такие условные подразделения, как ранний, средний, поздний, часто еще и финальный, распространяя это разделение на все евразийское пространство.

Литература

1. 2000-2001-нянь Аньян, Сяоминьтун дуннань ди Иньдай чжутун ичжи фачжань баогао (Отчет о раскопках в Аньяне, к юго-западу от д. Сяоминьтун, иньской литейной мастерской в 2000–2001 гг.) // Каогу сюэбао. 2006, № 3, с. 351–384.

2. *Го Можо*. Инь Чжоу цинтунци минвэнь яньцзю (Исследование инь-чжоуских надписей на бронзовых изделиях). Пекин, 1961.

3. *Го Можо*. Лян Чжоу цзиньвэнь цы даси (Свод надписей на бронзе времени обеих Чжоу). Т. 1–8. Пекин, 1958.

4. Шэньси чуту Шан Чжоу цинтунци (Бронзовая утварь инь-чжоуского времени из раскопок в Шэньси). Т. 1, 4. Пекин, 1981.

5. *Киселев С.В.* Древняя история Южной Сибири. М., 1951.

6. *Кожин П.М.* Иньские и чжоуские колесницы как палеокультурологическая проблема // XXXV НК ОГК. М., 2005.

7. *Кожин П.М.* Неолитические праобразы шан-иньской ритуальной посуды // XXXVI НК ОГК. М., 2006.

8. *Кожин П.М.* Об иньских и чжоуских бронзовых ритуальных котлах (некоторые проблемы технологии) // IX НК ОГК. М., 1978. Ч. 1, с. 40–49.

9. *Кожин П.М.* «Сыновья и внуки будут вечно пользоваться…» // XXX НК ОГК. М., 2000, с. 19–22.

10. *Кожин П.М.* Этнокультурные контакты населения Евразии в энеолите – раннем железном веке // Палеокультурология и колесный транспорт. Владивосток, 2007.

11. *Крюков В.М.* Надписи на западночжоуских бронзовых сосудах из Фуфэна (КНР) // ВДИ, 1988, № 1.

12. *Крюков В.М.* Ритуальная коммуникация в древнем Китае. М., 1997.

13. *Крюков В.М.* Текст и ритуал. Опыт интерпретации древнекитайской эпиграфики эпохи Инь–Чжоу. М., 2000.

14. *Хлопин И.Н.* Эпоха бронзы Юго-Западного Туркменистана. СПб., 2002.

15. *Sarianidi V.* Necropolis of Gonur. Athens, Kapon Editions, 2007.

16. *Shaughnessy E.L.* Sources of Western Zhou History: Inscribed bronze Vessels. Berkeley, LA, 1991.

17. *White W.C.* Bronze Culture of Ancient China. Toronto, 1956.